

УДК 17.022.1

ИСТИНЫ ТРАДИЦИИ И ТРАДИЦИЯ ИСТИНЫ

В. В. Варава

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 7 ноября 2011 г.

Подлинная традиция – в столь малой мере баржа с грузом прошлого, которую мы тащим за собой, что она, наоборот, освобождает нас в настоящее, становясь так главным путеводителем в дело мысли.

Мартин Хайдеггер

Аннотация: рассматриваются наиболее распространенные проявления культурной традиции, выразившиеся в научном познании, религиозной вере и художественном творчестве. Именно эти способы духовного освоения бытия формируют истины традиций (научной, религиозной, художественной), которые поддерживаются и охраняются психотипом ученого, верующего и художника. Им противостоит философия, в ведении которой находится забота о сохранении истины и которая предстает в культуре как традиция истины.

Ключевые слова: наука, религия, искусство, философия, истина, традиция.

Abstract: the article examines the most common manifestation of a cultural tradition that expressed itself in scientific knowledge, religious faith and artistic creativity. It is these ways of being spiritual development form the truth of the traditions (scientific, religious, artistic), that are supported and protected by the psycho scientist, the believer and the artist. They are opposed to philosophy, in charge of the concern for the preservation of truth, and which appears in the culture as a tradition of truth.

Key words: science, religion, art, philosophy, truth and tradition.

История человеческого существования ведь может быть историей человеческого заблуждения... почему бы и нет? Откуда следует, что пребывание человека в мире есть разумное, поступательное и гармоничное развитие всех его сил и способностей, приводящих, например, к увеличению общественного блага и социального прогресса, выражающихся в бесконечном техническом усовершенствовании сущего? Или откуда следует противоположный, эсхатологический, взгляд на суть истории как приближения конца, абсолютной катастрофы, которая должна привести к переселению человечества в иной мир? А не есть ли история человеческого существования просто история человеческого заблуждения, которое не нуждается ни в каких доказательствах, а просто являет себя как есть?

Чтобы это осознать, можно совершить элементарную практическую «феноменологическую редукцию»: достаточно «отстраниться» от потока ежедневного существования, отойти от него на несколько шагов в сторону, выйти за его рамки и посмотреть непредвзятым взглядом на *происходящее*, как сразу же посещает чувство абсурда и нелепости. Вечное повторение, суeta суeta, цивилизационное развитие или что-то еще... в любом случае история человечества – это история «человеческого муравейника», не более того. Никакой образ жизни не предпочтительнее, никакой образ мысли не более истинен. Все равно ничтожно и глупо, все находит свое вечное завершение и продолжение; но пока мы *внутри этого процесса*, мы не замечаем этой абсурдности и нелепости, не можем или не хотим этого замечать.

Все же такому *отстраненному* взгляду противится человеческое естество, у которого есть один несомненный инстинкт – инстинкт коллективной безопасности. *«Я могу заблуждаться, я могу погибнуть, но вот весь род человеческий никогда»* – так говорит голос всечеловеческой солидарности, отсекающий все сомнения в целесообразности существования и заботящийся о сохранении человеческого рода как исторического и космического явления. Это сохранение предполагает создание чего-то наподобие универсальных, всечеловеческих ценностей, создающих какой-нибудь смысловой универсум, который гарантирует стабильное и безопасное существование. И даже если никакого всеобщего смысла не существует, он существует в модусе, *как будто* в мире культурных ценностей, создающих *традицию* – самое безопасное и надежное средство, обосновывающее целесообразность человеческого бытия. *Человеку мало просто жить, ему нужно для чего-то жить, оправдывая свое существование.* И здесь на помощь приходит традиция, в недрах которой свершается приемлемое для человека бытие.

Традиция в этом смысле является защитой хрупкого и беспомощного, как физически, так и духовно человеческого существа, которое со всех сторон подстерегают угрозы, стремящиеся уничтожить его, стереть с лица земли. Злой рок коварен и беспощаден: его нелогичность равна его свирепой жестокости; ему нет равных в безразличии и равнодушии к бедным скитальцам и страдальцам мира. Такие вещи, как добро, смысл, сострадание, абсолютно неведомы «объективному порядку сущего», т.е. тому состоянию мира, в котором обнаруживает себя человек. Что же ему делать, когда он «зависает» над бездной ужаса и хаоса, ежесекундно ниспровергающей все его разумные и добрые устремления и построения? Безразличие немой вселенной унижает человеческое достоинство, которое не может терпеть глумления над собой и обращается к единственному «гаранту стабильности» и порядка – к традиции.

В ситуации тотального отсутствия «предустановленного смысла» (именно предустановленного, а не как такового) человек не совсем знает не только *что* ему делать, но и *как* это делать. Если оставить в стороне самоочевидные вещи относительно физического выживания человека, которые блюдутся традициями политики, экономики, техники и меди-

цины, в которых последний, во многом действуя инстинктивно, не думает о смысле своих действий и всегда поступает более-менее рационально и осознанно, то в иных сферах своего бытия, в которых человек не знает ни что, ни как ему делать (а не делать он не может, ибо духовная сущность требует удовлетворения духовного голода), вот в этих-то сферах и необходима традиция, которая есть путеводная нить человеческого действия в ситуации полного отсутствия «перста указующего» на какой-либо очевидный смысл или ценность. Здесь-то и начинается блуждание, ибо открывающаяся свобода духовного делания настолько бесконечна и неопределенна, что является страшной и невыносимой для человека, который всегда стремится к ясности, однозначности и определенности.

Традиция – это спасение человека от духовного сумасшествия, которое открывается ему как невозможность однозначно-непротиворечивого выбора в ситуации бесконечного набора возможностей. Традиция – обеспечение онтологической безопасности. Именно в традиции находит человек уют и пристанище, именно в ней он чувствует себя уверенно, именно в ней всё пронизано светом благого смысла. Только в традиции человек способен чувствовать себя человеком и продолжать свое человеческое существование. Традиция настолько естественное образование, что даже и не возникает вопроса о ее назначении и сущности. Люди не задумываются, каким образом появилась традиция, что ее поддерживает, за счет чего она осуществляет и поддерживает саму себя. Им это не нужно, да и задумайся они над первоисточком традиции, все равно никогда и ни к чему не придут, как не пришли доньне. Традиция просто есть, ее наличие так же естественно и непринужденно, как воздух, которым дышит человек, как вода, которую он пьет, как свет, в свете которого он видит мир.

Да и вообще задумываться над первоосновами не безопасно. Здесь человека ожидает не только интеллектуальное разочарование и духовное опустошение, но и репрессия со стороны культуры, которая стоит на страже всех традиций, санкционируя их и освящая. Традиция – это, безусловно, *культурная традиция* и никакая иная. Ибо здесь представлены все возможные человеческие истолкования сущего, выраженные в его различных духовных устремлениях – в *научном познании, религиозной вере и художественном творчестве*. Эти способы духовного освоения мира и есть основные традиции, вливающиеся в один большой поток Традиции, в которой культура вырабатывает свои ценности и смыслы.

Иначе традиция проявляет себя наиболее сильно, властно и отчетливо в научной, религиозной и художественной сферах. Это в подлинной мере *традиционные области человеческого бытия*, поскольку охватывают все его возможные пространственно-временные, ценностные, духовные, смысловые измерения. Научная традиция продуцирует эмпирический способ познания, дающий возможность ориентироваться человеку в наличном мире, совершенствуя его и одновременно удовлетворяя бесконечную жажду знаний и познаний; религиозная традиция удовлетворяет метафизическую нужду человека, его потребность в ином, потустороннем мире, что создает фундаментальные моральные ценнос-

ти, позволяющие человеку жить и общаться с другими; традиция искусства, основанная на художественном вдохновении, удовлетворяет самую изысканную – творческую потребность человека, которая стремится создать бесконечно разнообразный и причудливый мир человеческой фантазии и воображения.

Все эти традиции настолько «срослись» с повседневным человеческим существованием, что стали неотъемлемой частью его бытия, в котором он чувствует себя настолько увереннее, насколько традиционнее его образ жизни и мысли.

Что же поддерживает *власть традиции*, ее безусловный авторитет и влияние? Каждая традиция имеет *свою истину* – набор фундаментальных постулатов, ценностей и принципов, даже законов, имеющих *аксиоматическое* происхождение и *регулятивную* функцию. Истина традиции – источник ее власти. Каждая истина традиции санкционирована жертвенным служением человека на поприще этой традиции. Так, научная истина стяжается в результате предстояния человеческого ума перед бесконечным многообразием внешнего мира, в страстных попытках его понять, постичь и обуздать, поставив себе на службу. Добытые в результате этого знания старательно сохраняются, изучаются, культивируются, укрепляя и обогащая научную картину мира, которая воплощается в мощных социальных институтах науки – институтах, академиях, университетах, библиотеках, школах, книгах, журналах, диссертационных советах, лекториях, обсерваториях, лабораториях, конференциях, симпозиумах, форумах и т.д. Есть и служители науки – ученые, особый вид людской породы, своеобразный *психотип ученого*, поддерживающий статус кво науки. Таким образом, истина науки, имеющая метафизический источник жажды познания, утверждается в охраняющих ее социальных институтах.

Религиозная истина в буквальном смысле стяжается огромным праведным трудом бесчисленного количества адептов того или иного верования – простых верующих, монахов, священнослужителей, аскетов, святых, подвижников, отшельников, страстотерпцев, мучеников, которые подвигом своей жизни стремятся показать чудеса своей веры, которые доказывают истинность их религии. Весь религиозный опыт, добытый подчас невероятными усилиями, а часто и самой жизнью, так же как и научные знания, охраняется, берегается, изучается и ревностно передается из поколения в поколение, «из рода в род». Это осуществляется также посредством влиятельных социальных институтов религии – церквей, семинарий, академий, воскресных школ, монастырей, приходов, общин, братств, конференций, соборов, книг, газет, журналов и т.д. Так, истина религии, имеющая духовный исток, воплощается в жизнь в качестве социальных институтов, которые поддерживают власть религиозной традиции. Наподобие того, как есть научный психотип, есть и религиозный психотип человека – *психотип верующего*, благодаря которому религия сохраняется как живая практика и историческая традиция, т.е. как социальный феномен.

Люди искусства страстно служат своей истине – истине творческой. Воплощенные образы красоты, безобразия, добра, зла, трагического, комического, возвышенного, низкого свидетельствуют о колоссальной силе вдохновения, способного эстетически изобразить, преобразить и сотворить мир. Истина искусства формируется как преданность идее творчества, творческой силе искусства. Эстетические проявления творческого гения столь разнообразны, что искусство становится символом человеческой свободы, ибо свобода творческого самовыражения – условие его подлинности. Творческая истина – это во многом истина свободного творчества, которая так же, как и в случае с научным знанием и религиозной верой, воплощается в фундаментальных социальных институтах искусства – музеях, театрах, галереях, выставках, концертных залах, академиях, равно и книгах, альбомах и прочее, прочее, прочее. Главная фигура искусства – художник, т.е. человек, обладающий *психотипом художника*, поскольку ценит более всего истину искусства, служит ей, ради нее живет и умирает.

Таким образом, Ученый, Верующий, Художник создают, сохраняют и воспроизводят главные человеческие традиции, создающие фундамент духовного бытия человека. В любую эпоху у любого народа можно обнаружить (возможно, в разной пропорции) наличие этих трех главных персонажей культуры. Любая разновидность человеческой деятельности будет иметь отношение либо к религиозной, либо к научной, либо к художественной сфере. Не исключены комбинации, смешения, так называемые «синтезы»; ими полна человеческая культура. Но не они определяют чистоту традиции, а значит, ее силу. Только лишь научный, религиозный и эстетический образ мира в своей чистоте отражает сущностные проявления человека, а значит, человек может реализовать свою сущность лишь в религии как религии, искусстве как искусстве, науке как науке.

Итак, есть истины традиций, притом что сама традиция может быть и не истинной. Не истинной в смысле абсолюта. Откуда следует, например, достоверность научной истины, ее абсолютный характер? Ниоткуда, кроме авторитета науки как социального института. А как можно обосновать истинность религии, кроме обоснования внутри самой религии? Никак, ибо провозглашенные ей истины являются таковыми лишь для религиозного мышления. Очевидность художественной истины тоже не очевидна, ибо является фактом эстетического произвола творца.

Но как раз вот эти недостоверность, необоснованность, даже неочевидность научной, религиозной и художественной истины порождают внутри науки, религии и искусства как социальных организаций вопиющую *претензию на истину*. Истина науки, истина религии, истина искусства предстают как абсолютные истины, истины как таковые. Наука добывает свою истину традиции посредством *знания*, религия – посредством *веры*, искусство – посредством *вдохновения*. Вера, Знание, Вдохновение, таким образом, являются конституирующими принципами, или методами достижения «абсолютной» истины, которые фундируют науку, религию и

искусство как сущностные духовные традиции человеческой культуры и как мощнейшие ее социальные институты.

Таким образом, с точки зрения абсолютной истины каждая традиция неистинна, ибо истина разрушительна для традиции. Именно поэтому в каждой традиции создаются свои истины, истины этих традиций, которые имеют абсолютный характер для этой традиции, но не для абсолюта как такового.

Претензии на истину в недрах науки, религии и искусства столь велики, что в истории мы видим великий «конфликт интерпретаций» или столкновений различных образов или картин мира. Война истин традиции составляет реальную ткань культурно-исторического бытия человека. Ни за что человек так не воюет, как за истину своей традиции, к которой он принадлежит сущностно, т.е. психологически и духовно. Принадлежность к какой-либо традиции (религиозной, научной или художественной) является основой *бытийной идентичности* человека. Человек опознает себя, прежде всего, не в качестве человека как такового, а в качестве *знающего, верующего или творящего* человека. Знание, вера, вдохновение становятся антропологически конституирующими принципами, посредством которых человек может существовать. Это реальные «столпы и утверждения» истины в ее научном, религиозном или художественном облики.

Кроме этих главных традиций и охраняющих их типов личности (ученый, верующий, художник) есть в человеческом бытии еще одна область, которая столь же традиционна, но не является традицией в указанном выше смысле. Это философия и философ как особенный тип человека, стоящий на страже философии. Есть даже его обозначение: Homo philisophicum, в котором подчеркивается антропологическая особенность философии, ее непохожесть, и в некотором роде, даже странность по сравнению с другими духовными проявлениям человека.

Действительно, философия вещь особая. Еще никогда и никому не удавалось постичь философию на ее собственной основе, дать такое определение философии, которое раскрыло бы ее сущность настолько, что это удовлетворило бы и самих философов и нефилософов объяснило бы странность мероприятия под названием философия. Но такого определения нет и уже, можно с уверенностью сказать, не будет. А значит, бытие философии навсегда останется неопределенным, сохраняющим тем самым неопределенность человека. Понять философию означало бы понять человека, человека *философствующего*; это означало бы конец человека, человека как такового. Либо переход его в какое-то неведомое никому сверхчеловеческое свойство. Но это из области антропологической фантастики. Человек таков, каковым он является; другим он быть не может; но в своем наличном состоянии он представляет достаточную загадку, над разрешением которой бьется вся мировая мысль в течение всей человеческой истории от самых основ.

Иными словами, можно сказать, что сущность (тайна) человека и сущность (тайна) бытия являются особым (в действительности, самым есте-

ственным) предметом философии, которая не столько исследует, изучает, постигает, сколько *удивляется* тому, что *есть*. *Бытие как таковое* и бытие во всех своих воплощенных многообразных проявлениях (от Господа до пылинки) есть главный и единственный источник *философского удивления*, которое более всего выражает существо *человеческого*. Философский взгляд на человека есть истинный взгляд на него, есть взгляд истины на человека.

Иначе, можно сказать, не боясь дать определения (поскольку это не *о-предел-ение*, а расширение), что философия – это человек с точки зрения истины. Этот особый взгляд на человека не позволяет ему «объективировать» навечно ни одно из человеческих представлений, оставляя пространство истины для дальнейших вопрошаний, что дает человеку возможность, бытийствуя, продолжать свое существование. Это существование в предстоянии самой истине, которое не позволяет обожествить ни одну из традиций. Палящий взгляд истины уничтожает сор человеческих представлений, отправляя их в культурный архив истории. Истины традиций теряют свою власть в свете единой истины, но это позволяет человеку каждый день, просыпаясь в мире суеты сует, творить заново свое бытие.

Итак, можно сказать, что есть научный образ истины, есть религиозный образ истины и есть художественный образ истины. Но это всего лишь образы, поскольку в каждом из них слишком много человеческого, эмпирического материала. Так, в научном образе истины много научного, не очевидного для других, не ученых, и, следовательно, не универсального; в религиозном образе истины слишком много основанного на конфессиональном субъективизме и поэтому тоже не универсального; художественный образ истины всецело основывается на творческом видении художника, и уж тем более не может претендовать на универсальность и общезначимость.

Но где же истина, что же истина, истина как таковая, чья незамутненная чистота равна ее простоте и очевидности? Есть ли таковая, и где она обитает? Следует сказать, что *истина есть*, истина абсолютная и единственная, не подвластная никакому субъективизму и произволу, свободная как от человеческих предрассудков и суеверий, так и от различных (научных или метафизических) интерпретаций. Истина, свободная, в конце концов, от власти традиции. Вот *такая* истина, истина в собственном смысле этого слова находится в ведении философии. Судьба самого бытия сложилась именно таким образом. Не существует какого-то особого образа философской истины, отличной от религиозной, научной и прочей, как нет никакой особенной философской истины. Есть *просто истина, которая находится в охране философии*. Философия хранит истину как таковую, хранит ее от человеческих представлений (идолов и кумиров), хранит ее от чрезмерных претензий на обладание, хранит ее от искажения и поругания.

Философия есть традиция истины, традиция сохранения самой истины, истины как таковой, истины единственной, абсолютной, истинной

истины, не принадлежащей никому особым способом, ибо последняя принадлежит всем. Истина сохраняется лишь в абсолютно девственной чистоте детского взгляда или в нелукавом сердце взрослого, ум которого нравственно преобразился философским удивлением.

Только философии, поскольку последняя не претендует ни на что кроме истины, последняя и является во всем своем блеске и великолепии, во всей своей скромности и простоте, во всей своей непостижимости и таинственности.

Чтобы понять абсолютную чистоту истины, хранимой философией, нужно посмотреть на то, как формируются *застывшие истины традиции*, которые дает нам научное познание, религиозная вера, художественное вдохновение. Но это уже другая тема.

Воронежский государственный университет

Варава В. В., доктор философских наук, профессор факультета философии и психологии

E-mail: vladimir_varava@list.ru

Тел.: 8(473) 264-82-64

Voronezh State University

Varava V. V., Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy and Psychology Faculty

E-mail: vladimir_varava@list.ru

Tel.: 8(473) 264-82-64